

Задание 1.

Стихотворение В.Я. Брусова „Кинжал“ оказывает неизмеримое впечатление на читателя прежде всего небрежной живописностью языка и яркой, брызжущей картинкой идиллического содержания. В центре внимания автора — искусство людей как таковых, а не поэта, неизменность этого дома. Данное лирическое произведение способствует развитию лейтмотивов, пришедших в русскую поэзию с творчеством Г.С. Державина, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова — во многом выражаясь через заимствование и авторское „преобразование“ семантических признаков названных выше поэтов — и становится благодаря этому одним из ключевых „образов“, необходимых для изучения при драматизации „вечной“ темы отечественной лирики — проблемы восприятия поэтом смысла и назначения своей деятельности.

Брусов выстраивает означенную связь уже на первом этапе создания стихотворения с помощью названия и эпиграфа, вызывая четкую ассоциацию с одноименным произведением Лермонтова. Однако первая строка немедленно отвергает как конкретную вынесенную автором мысль, так и общий пафос эпиграфа Михаила Зарькина. Она (строка) задает „настрой“ и формирует динамику произведения. Особенно примечательно в ней ~~объявление~~ объявление поэзии в качестве выразителя происходящих в обществе изменений („Поэт всегда с народом, когда шумит гроза...“), отображенное с помощью такой метафоры, отсылающей к иной работе Лермонтова — поэме „Мцыри“ — и отождествляющей ~~мысли~~ мысленную душу юности-полюбника с „горящей“ душой поэта („Поэзия с бурей вечно спорит.“)

Во второй строке выявившийся ранее мотив „грозится“ — лирическим герой-поэт оставляет свое творчество, уходит „в сторону маманья и маши“, когда не может почувствовать жизнь общества, его общественное движение в каком-либо смысле. Здесь В.Я. Брусов поддерживает и, если можно так выразиться, даже зеркально отражает картинку, созданную А.С. Пушкиным в стихотворении „Поэт“ — тем самым все полнее раскрывая и утверждая образ „поэта в России“, невозможность для него не откликаться на „глас“ России, творить не только „для себя“. Атмосфера отчаяния и отчуждения в собственном мире передается средствами как синтаксическими (двойное отрицание „... ни душой, ни см“), так и лексическими — стоит отметить аккорды и употребление архаизмов („арман“, „вы“, „маманья“ вместо „мамания“).

Пятая строка подводит читателя к кульминации. В ней подвиг

гоится резкому суждению современная автору социальная ситуация (сама эта реакция уже является "написком" на предстоящее, показывает "пробудки" поэта, его постепенный выход из "веков загадочно бытия"). Во данной фразе анализа необходимо остановить внимание на дате создания стихотворения. 1903 год — это преддверие Бурного воскресенья или, как ещё называют это событие, первой русской революции. Этот период жизни поэта характеризуется как всплеском патристической активности размышлений, так и неравномерным экономическим развитием. Буковский выше ширинского греха, собирательного образа поэта, обнимает извечные пороки людей, их алчность, жестокость, индустрию, преобразующую жизнь в кустеринское "ушино", которому, однако, никто не мог что-либо противопоставить, кроме надуманных, пустых поздравов, выказываемых одним-двумя авантюристами ("Во я на зов в борьбе лишь хохотал порой, / Не веря в робкие призывы"). Образующими элементами структуры этой строфы являются обилие эпитетов ("лозюрко-мелочный", "неграбный", "неграбный", "робкий"), а также малые и малольные фразы с жёсткой и тяжёлой эмоциональной окраской ("некавиден", "хохотал", "не веря").

Четвёртая строфа не только вновь проводит связь с уже упомянутым стихотворением Пушкина, но и в какой-то степени может быть сопоставлена с идиллическим содержанием произведения Вермонта "Есть реки — знаменья". Эта часть "Винтмана" переключается с первой и отчасти второй строфой. В ней завершается традиция мотива неравнодушного поэта к происходящему вокруг него. Изобретство провозглашения как неудержимая сила ("Я вступлю драгу с Кобылкою"), которая мимолетно и точно отзывается на каждую перемену, каждое важное для Отечества событие ("я — отзыв ваш крику, я — песенник борьбы"). Поэт предвосхищает как шаманов новых эпох, как их предвестник, способный разложить их ещё до практического прибытия (такая интуитивная способность становится возможной благодаря мимолетному повтору в начале строфы — "чуть", "едва", а также позволяет провести аналогию с ещё одним стихотворением А.С. Пушкина — "Пирок"). Особое напряжение перед кульминацией и динамизм создаёт туше, не единственно употреблённое в третьей строке.

Последняя строфа произведения — это и апотей, и разрешение эмоционального и смыслового канала. Она образно "закрывает" первую цепочку свершившихся действий (это показывает построчное сопоставление). Поэзия возмат из мёртвого её неумолимая, неестественно продолжения на след. листе

моя мысль возрождается, во всей простоте выраженная в коротком первом предложении первой строки — единственной восклицательной в тексте. Раздвигавшаяся страшная стихия (природы и творчества), «красавый молний свет» вызывает ассоциацию с таяським преданием оцивиженного дурока, с его предзнаменованием «малая и жень сердца иоден» (выполним также окказионализм, употреблённый в предыдущей строке — «открытые знаменко»). В третьей и четвёртой же строках шумиха перой шумиха, но в то же время со страшным и неожиданным скачком выдвигает о своём сути как поэта, отвечает самому себе на невысказанный вопрос «Зачем?»:

И снова я с иодын, — затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкаю.

Перед читателями изумительно живо встаёт поразительная фигура настоящего русского поэта — такого, какими до В. А. Жуковского воспевали его Г. Р. Державин, А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, а позже — Евгений Евтушенко и многие другие творцы второй половины XX века.